Защита государственного суверенитета как фактор становления многополярного мира

Мустафин Максим Наркисович
аспирант, кафедра государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, magnusmaks@yandex.ru

В статье исследуется взаимосвязь между защитой государственного суверенитета и становлением многополярной системы международных отношений. Рассматриваются современные конфликты — американо-иранское противостояние и специальная военная операция на Украине — через призму национальной безопасности и военной политики государств, претендующих на статус центров многополярного мира. Анализируется трансформация военных доктрин, включая корректировку ядерной политики Российской Федерации, как ответ на новые угрозы суверенитету. Обосновывается вывод о том, что защита суверенитета перестаёт быть исключительно оборонительной задачей и превращается в инструмент структурирования нового миропорядка, а также в условие и следствие формирования многополярности.
Ключевые слова: государственный суверенитет, национальная безопасность, военная политика, многополярный мир, ядерное сдерживание, военная доктрина, американо-иранское противостояние, специальная военная операция, центры силы, стратегическая автономия.

Современная система международных отношений переживает период глубокой трансформации. Однополярная модель, утвердившаяся после окончания холодной войны, постепенно утрачивает свою устойчивость под воздействием объективных процессов перераспределения экономической и военной мощи. В этих условиях категория государственного суверенитета приобретает новое звучание. Если в предшествующие десятилетия суверенитет нередко трактовался как препятствие для глобального управления, то сегодня он всё чаще рассматривается как фундаментальное условие выживания государств и народов в условиях нарастающего внешнего давления. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации прямо указывает, что на фоне целенаправленной политики по сдерживанию Российской Федерации жизненно важное значение приобретают укрепление её суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела. Таким образом, защита суверенитета возводится в ранг высшего национального приоритета, что отражает качественное изменение международной обстановки.

Актуальность темы обусловлена тем, что впервые за несколько десятилетий суверенитет перестал восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Государства, ещё недавно считавшие свою безопасность гарантированной участием в блоковых структурах или общим балансом сил, сегодня вынуждены пересматривать базовые основания своей военной политики. Это касается не только великих держав, но и государств среднего масштаба, которые ищут собственную нишу в формирующейся многополярной конфигурации. Защита суверенитета становится не просто технической задачей обороны, а политическим проектом, определяющим место государства в новой иерархии международных отношений [1, 2].

Категория суверенитета традиционно рассматривается в неразрывной связи с понятиями национальной безопасности и военной политики. Военная доктрина любого государства представляет собой концентрированное выражение представлений о том, какие угрозы являются критическими и какими средствами они должны нейтрализовываться. В условиях, когда традиционные громоздкие военно-политические союзы уже не могут обеспечить противодействия всему спектру современных вызовов и угроз, являющихся трансграничными по своему характеру, государства вынуждены искать новые формы обеспечения своей безопасности.

Показательно, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года народ прямо назван носителем суверенитета и главным достоянием страны, а духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности — фундаментом государственности. Такая формулировка раздвигает рамки сугубо юридического понимания суверенитета, включая в него социокультурное измерение. Это принципиально важно, поскольку современные угрозы суверенитету всё чаще реализуются не только через военную силу, но и через подрыв ценностных основ общества, искажение исторической памяти, разжигание внутренних противоречий.

С теоретической точки зрения важно разграничивать формальный и реальный суверенитет. Формальный суверенитет означает юридическое признание независимости государства, его права самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику. Реальный суверенитет предполагает фактическую способность государства проводить эту политику, не считаясь с давлением извне. Разрыв между формальным и реальным суверенитетом становится одной из ключевых проблем современного мира. Многие государства формально независимы, но фактически лишены возможности принимать решения, противоречащие интересам более мощных игроков. Преодоление этого разрыва и составляет содержание борьбы за суверенитет в современных условиях [3, 4].

Наиболее рельефно проблематика защиты суверенитета проявляется в двух крупных конфликтах современности: американо-иранском противостоянии и специальной военной операции на Украине. Оба конфликта, несмотря на их внешнюю несхожесть, имеют общую глубинную природу — они отражают сопротивление суверенных государств попыткам внешнего управления их внутренней и внешней политикой.

Американо-иранское противостояние вышло на качественно новый уровень в 2026 году, когда Соединённые Штаты нанесли прямые удары по трём иранским ядерным объектам — Фордо, Исфахану и Натанзу. Президент США Дональд Трамп заявил, что ключевые ядерные объекты Ирана были «полностью и окончательно уничтожены», пригрозив Тегерану новыми ударами в случае ответных действий. Американская сторона также развернула кампанию против иранских нефтяных танкеров, нанося удары по ним в качестве ответа на попытки Ирана атаковать военные корабли США в районе Ормузского пролива. Иранская сторона, в свою очередь, рассматривает эти действия как прямое посягательство на свой суверенитет и право на самостоятельное развитие, включая право на мирную ядерную программу. Показательно, что удары по ядерным объектам были нанесены в момент, когда Международное агентство по атомной энергии фиксировало активизацию строительных работ на объекте «Гора Кирка» вблизи Натанза, не имея при этом доступа к подземным туннелям для установления характера ведущихся там работ. Это создаёт ситуацию неопределённости, которая используется как предлог для военного давления [5, 6].

Аналитики отмечают, что конфликт с Ираном может затянуться вплоть до 2029 года, поскольку иранская сторона демонстрирует способность к длительному сопротивлению, а американская администрация сталкивается с истощением запасов критически важных боеприпасов, включая ракеты-перехватчики Patriot. Вице-президент США Джей Ди Вэнс запрашивал у военных командующих оценку того, как продолжение войны с Ираном может повлиять на способность США противостоять потенциальным угрозам со стороны Китая, России и Кореи. Это свидетельствует о том, что американское руководство осознаёт ограниченность своих ресурсов и вынуждено учитывать многополярную реальность. Существенно и то, что иранский кризис демонстрирует эрозию механизмов международного контроля над вооружениями. Договор о нераспространении ядерного оружия, долгое время служивший основой глобальной безопасности, фактически утратил действенность в отношении иранской ядерной программы. Совет Безопасности ООН оказался неспособен принять действенные меры, а европейские посредники утратили влияние на ход событий. Это создаёт опасный прецедент, когда силовое давление подменяет собой переговорный процесс, а суверенное государство ставится перед выбором между капитуляцией и сопротивлением.

Специальная военная операция на Украине представляет собой ещё более показательный пример защиты суверенитета. С точки зрения российской военно-политической мысли, речь идёт о противодействии попыткам превратить территорию Украины в плацдарм для военного, политического и культурного давления на Россию. Характерно, что изменения в ядерной доктрине Российской Федерации, объявленные в сентябре 2024 года, прямо увязываются с агрессией против суверенной территории России при поддержке ядерного государства. Согласно новой редакции доктрины, агрессия любого неядерного государства при поддержке или с участием ядерного государства рассматривается как их совместное нападение на Российскую Федерацию.

Более того, российская ядерная доктрина теперь допускает применение ядерного оружия в ответ на массированный старт средств воздушно-космического нападения — самолётов, крылатых ракет, беспилотников, гиперзвуковых систем — и их пересечение государственной границы. Это принципиальное расширение перечня угроз, при которых возможно применение ядерного оружия, отражает понимание того, что современные неядерные средства поражения по своей разрушительной мощи и скорости доставки приблизились к ядерным, а следовательно, могут использоваться для обезоруживающего удара. Украинский конфликт высветил и ещё один аспект проблемы суверенитета — вопрос о праве государства на защиту своих граждан и соотечественников за рубежом. Российская позиция исходит из того, что защита прав и интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории Украины, является не вмешательством во внутренние дела, а реализацией законного права на защиту своих людей. Этот аргумент, отвергаемый западными государствами, находит понимание у многих стран, которые сами сталкивались с дискриминацией своих диаспор и необходимостью реагировать на неё [7].

Трансформация военных доктрин государств, претендующих на роль центров многополярного мира, отражает более глубокий процесс — формирование новой архитектуры международной безопасности, основанной на признании права каждого государства на защиту своих жизненных интересов. Россия в этом контексте выступает не только как объект внешнего давления, но и как субъект формирования новых правил.

Расширение категорий государств и военных союзов, в отношении которых проводится ядерное сдерживание, дополнение перечня военных угроз, для нейтрализации которых выполняются мероприятия ядерного сдерживания, — всё это свидетельствует о переходе от реактивной к проактивной модели обеспечения безопасности. Российская Федерация демонстрирует готовность не просто реагировать на уже возникшие угрозы, но и формировать условия, при которых сама возможность возникновения таких угроз становится неприемлемо рискованной для потенциального агрессора. Показательно, что изменения в ядерной доктрине были объявлены публично на заседании Совета Безопасности по ядерному сдерживанию, что придаёт им характер не просто военно-технического, но и политического сигнала. Это сигнал не только и не столько вероятному противнику, сколько союзникам и партнёрам, заинтересованным в сохранении стабильности. Кремль подчеркнул, что ядерное сдерживание направлено на то, чтобы потенциальные противники понимали неизбежность возмездия в случае агрессии против России или её союзников [8, 9].

Аналогичные процессы, хотя и в иных формах, наблюдаются и в других государствах, претендующих на самостоятельную роль в мировой политике. Иран, несмотря на беспрецедентное военное давление, продолжает отстаивать своё право на развитие ядерной программы и независимую внешнюю политику. Китай последовательно укрепляет свой военный потенциал, рассматривая его как гарантию суверенного развития. Индия следует курсу стратегической автономии, не присоединяясь к блоковым структурам, направленным против третьих стран.

Особого внимания заслуживает опыт Китайской Народной Республики. Пекин последовательно наращивает военно-морской потенциал, развивает ракетные войска и системы противовоздушной обороны, рассматривая их как инструмент обеспечения суверенитета в Тихоокеанском регионе. Китайская военная доктрина исходит из принципа активной обороны, предполагающего способность нанести неприемлемый ущерб любому агрессору. Это не означает стремления к военному превосходству, но гарантирует, что попытки силового давления на Китай будут сопряжены с неоправданными издержками. Индия, обладающая ядерным оружием и развитой военной промышленностью, также придерживается курса на стратегическую автономию. Нью-Дели отказывается присоединяться к блокам, направленным против конкретных государств, и сохраняет самостоятельность в вопросах закупок вооружений и военно-технического сотрудничества. Индийская доктрина минимального сдерживания предполагает наличие достаточного ядерного арсенала для нанесения ответного удара, но не стремится к количественному паритету с более мощными державами.

Защита государственного суверенитета перестаёт быть исключительно оборонительной задачей. В условиях формирующегося многополярного мира она становится инструментом структурирования международных отношений. Государство, способное эффективно защищать свой суверенитет, объективно становится центром притяжения для других государств, разделяющих аналогичные ценности и сталкивающихся с аналогичными угрозами.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации исходит из того, что Россия оказывает существенное влияние на формирование новой архитектуры международных отношений, являясь одним из влиятельных центров современного мира. Это не просто декларация, а констатация объективного положения вещей. Способность России противостоять беспрецедентному внешнему давлению, сохраняя при этом внутреннюю стабильность и продолжая социально-экономическое развитие, создаёт прецедент, значимый для многих государств, которые не желают мириться с ролью объектов чужой политики [10].

Многополярность не означает хаоса или анархии. Напротив, она предполагает формирование устойчивых правил взаимодействия, основанных на взаимном уважении суверенитета и учёте интересов друг друга. В этом смысле защита суверенитета отдельными государствами парадоксальным образом способствует упорядочению международной системы, поскольку создаёт барьеры для произвольного применения силы и навязывания воли одних государств

другим. Важно подчеркнуть, что многополярность не является синонимом конфронтации. Речь идёт о формировании системы, в которой несколько центров силы взаимодействуют на основе баланса интересов, а не диктата одного игрока. Защита суверенитета в такой системе становится не подготовкой к войне, а инструментом поддержания стабильности. Государство, уверенное в своей способности защитить свои интересы, менее склонно к авантюрам и более готово к конструктивному диалогу.

Следует учитывать и экономическое измерение суверенитета. Технологическая зависимость, уязвимость финансовой системы, зависимость от внешних поставок критически важных ресурсов — всё это подрывает реальный суверенитет не меньше, чем военная угроза. Поэтому защита суверенитета в современных условиях включает в себя импортозамещение, развитие собственных технологий, укрепление финансовой системы. Государства, добившиеся успеха на этом пути, становятся более устойчивыми и менее подверженными внешнему давлению [11, 12].

Таким образом, современные конфликты, включая американо-иранское противостояние и специальную военную операцию на Украине, со всей очевидностью демонстрируют, что защита государственного суверенитета является не пережитком прошлого, а фундаментальным условием выживания и развития государств в современном мире. Трансформация военных доктрин, включая корректировку ядерной политики Российской Федерации, отражает объективную необходимость адаптации к новым угрозам, которые уже не сводятся к классической военной агрессии. Формирование многополярного мира неразрывно связано с укреплением суверенитета государств, отказывающихся от роли объектов чужой политики. Россия, последовательно отстаивая свои национальные интересы, не только обеспечивает собственную безопасность, но и создаёт предпосылки для более справедливого и устойчивого миропорядка. В этом смысле защита суверенитета является одновременно и условием, и следствием становления многополярной системы международных отношений.

Дальнейшее развитие событий будет зависеть от способности государств, претендующих на роль центров многополярного мира, не только защищать свой суверенитет, но и предлагать конструктивную повестку международного взаимодействия. Сила без справедливости порождает сопротивление, тогда как справедливость без силы остаётся декларацией. Сочетание способности к защите своих интересов с готовностью к равноправному диалогу — это тот путь, который ведёт к устойчивому многополярному миру, основанному на уважении суверенитета всех его участников.

Литература

1. Кабанова О.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка // Международное право. 2025. № 3. С. 157-175.
2. Кочесоков З.Х., Воропаев И.Г. Государственный суверенитет в контексте развития многополярного мира// Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. №3. С. 022-026.
3. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62.
4. Шахмин, Н. В. Россия — основа многополярного мира / Н. В. Шахмин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 9 (195). — С. 131-134.
5. Неклесса А. И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис: Политические исследования. 2021. No. 5. С. 39–55.
6. Меркурьев В., Боброва О. Защита суверенитета России в современных геополитических реалиях. Обозреватель-Observer. 2023;(1):137-152.
7. Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020. 350 с.
8. Степанюк В. Р. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РОССИИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ОПОРА ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СУВЕРЕНИТЕТА // Вестник науки. 2025. №8 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogonatsionalnyy-narod-rossii-kak-istoricheskaya-opora-tselostnosti-gosudarstva-i-ego-suvereniteta (дата обращения: 12.09.2026).
9. Воропаев И. Г., Кочесоков З. Х. Государственный суверенитет в контексте развития многополярного мира // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16 № 3.
10. Карпова, А. Е. Государственный суверенитет в современных условиях / А. Е. Карпова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 23 (127). — С. 334-336.
11. Шумилов М. М., Гуркин А. Б. Кризис экономической глобализации как фактор становления многополярного мира // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 137-148.
12. Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Глобализация в формате многополярности: философско-мировоззренческое обоснование глобополицентризма // Философская мысль. 2024. № 4. С. 20-33.

Protecting State Sovereignty as a Factor in the Evolution of a Multipolar World

Mustafin, M.N.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the relationship between protecting state sovereignty and the emergence of a multipolar system of international relations. Contemporary conflicts—the US-Iran confrontation and the special military operation in Ukraine—are examined through the lens of national security and military policy of states aspiring to become centers of a multipolar world. The transformation of military doctrines, including the adjustment of the Russian Federation's nuclear policy, is analyzed in response to new threats to sovereignty. The conclusion is that protecting sovereignty is no longer a purely defensive task and is becoming a tool for structuring a new world order, as well as a prerequisite for and a consequence of the emergence of multipolarity.

Keywords: state sovereignty, national security, military policy, multipolar world, nuclear deterrence, military doctrine, US-Iranian confrontation, special military operation, centers of power, strategic autonomy.

References

1. Kabanova O.V. The state sovereignty of the Russian Federation in the context of the transformation of the international legal order // International law. 2025. No. 3. pp. 157-175.
2. Kochesokov Z.Kh., Voropaev I.G. State sovereignty in the context of the development of a multipolar world// Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. No. 3. pp. 022-026.
3. Drobinin A.Y. The image of a multipolar world // Russia in Global Politics. 2023. Vol. 21. No. 2. pp. 54-62.
4. Shakhmin, N. V. Russia — the basis of a multipolar world / N. V. Shakhmin. — Text : direct // Young scientist. — 2018. — № 9 (195). — Pp. 131-134.
5. Neklessa A. I. Civilization as a process: the multiplied subjects of Postmodernity // Polis: Political studies. 2021. No. 5. pp. 39-55.
6. Merkuryev V., Bobrova O. Protection of Russian sovereignty in modern geopolitical realities. The Observer-The Observer. 2023;(1):137-152.
7. Ruvinsky R. Z. Law and order in the period of global crisis: transformations, trends, threats. St. Petersburg: Aleteya, 2020. 350 p.
8. Stepanyuk V. R. THE MULTINATIONAL PEOPLE OF RUSSIA AS A HISTORICAL PILLAR OF THE INTEGRITY OF THE STATE AND ITS SOVEREIGNTY // Bulletin of Science. 2025. No. 8 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogonatsionalnyy-narod-rossii-kak-istoricheskaya-opora-tselostnosti-gosudarstva-i-ego-suvereniteta (accessed: 09/12/2026).
9. Voropaev I. G., Kochesokov Z. H. State sovereignty in the context of the development of a multipolar world // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16 No. 3.
10. Karpova, A. E. State sovereignty in modern conditions / A. E. Karpova. — Text : direct // Young scientist. — 2016. — № 23 (127). — Pp. 334-336.
11. Shumilov M. M., Gurkin A. B. The crisis of economic globalization as a factor in the formation of a multipolar world // Management consulting. 2025. No. 4. pp. 137-148.
12. Guryanov N.Yu., Guryanova A.V. Globalization in the multipolarity format: philosophical and ideological justification of globopolycentrism // Philosophical Thought. 2024. No. 4. pp. 20-33.